

Образ поэта

ОН ЗНАЛ и его зна-
ло много городов
и селений.

Шестьдесят пять лет
назад он родился в
Грузии, в Багдади—селении,
которое ныне носит имя
«Маяковский». Юность нача-
лась в Москве, и с тех пор,
где бы он ни бывал, он оста-
вался жителем Москвы. «Зем-
ля—Москва» — так он назы-
вал нашу столицу, и эта зем-
ля его влекла постоянно, где
бы он ни был: в Париже, Бер-
лине, в Нью-Йорке, в Мекси-
ке. Его сверстники и совре-
менники, проходя по улицам
Москвы, преображенным за
эти десятилетия, неизменно
вспоминают уголки, связан-
ные с памятью о поэте: Крас-
ную Пресню, где начи-
налась его юность, — ра-
бочий район Москвы, связан-
ный с героическими днями
1905 года; проезд близ Лу-
бянской площади и дом, где
помещался Главтоп, одно из
важнейших управлений Выс-
шего Совета Народного Хо-
зяйства, и где жил Маяков-
ский.

Совсем близко от этого до-
ма — Политехнический му-
зей, Большая аудитория, где
много раз раздавался его
громовой голос. Здесь по
традиции он читал все, что
создавал в пути, в странст-
виях по стране и за ее пре-
делами. Это были своеобраз-
ные творческие отчеты поэта
перед читателями.

Площадь Пушкина и дом
«Известий», «Дом печати» на
Никитском, ныне Суворов-
ском бульваре, Кинокомитет в Ма-
лом Гнезденковском переулке, Нар-
компрос, когда-то перемещавшийся на
Крымской площади, Дом Герцена
на Тверском бульваре и самый
бульвар, где происходили книжные
базары, где поэт надписывал свои
книги окружающей его молоде-
жи — студентам, красноармейцам,
рабочим, — все это неразрывно
связано с памятью о Маяковском.
Если взять план Москвы и на-
нести на него все «точки», где
выступал Маяковский, план будет
ими испещрен. Сколько раз поэт
выступал в цехах, в заводских
клубах и студенческих аудитори-
ях, на вокзалах, провожая красно-
армейцев на фронт! Он знал Мос-
кву, и Москва знала Маяковского.
Поэт завоевал добрую славу в сло-
весных боях, в спорах с теми, кто
воспевал «искусство для искусства»,
он завоевал любовь верно-
стью идеям социалистической ре-
волюции. И сейчас Маяковский
своим огненным словом помогает
советским писателям отстаивать
благородные идеи партии, служить
своему народу...

Поэт горячо любил Москву, ее
образ не раз возникал в его сти-
хах. В 1926 году он видел и при-
ветствовал Москву будущего:

...Не надо быть пророком-
провидцем,
всевидающим оком святейшей
троицы,



Когда отгремела
гражданская война, в
самом начале восста-
новительного периода
Маяковский рисовал
себе Москву нашего времени:

Москва.

Это, я вам доложу, —
зрелище.
Дома.

Дома необыкновенных ве-
личин и красот...

И в той же поэме «Пя-
тый интернационал» мы чи-
таем такие строки:

«Это Москва 940—950 го-
да во всем своем великоле-
пии...».

Какую непоколебимую ве-
ру в будущее, какую неиз-
яснимую любовь к родному
городу надо было питать,
чтобы в те тяжкие годы так
ясно видеть Москву наших
дней!

Маяковский представлял
себе дома-великаны в те дни,
когда в Москве был единст-
венный десятиэтажный дом
— в Большом Гнезденков-
ском переулке:

Помните,
дом Нирензее,
стоял,
над лачугами крышницу
взвешивая?

Так вот:
теперь
под гигантами
грибочком
эта самая крыша
Нирензеева.

Так он писал в 1922 году,
мечтая о будущем.

чтобы видеть,
как новое в людях роится,
вторая Москва

вскипает и строится.
Он любил в этом городе его
славное прошлое, его революцион-
ные заслуги:

Когда
Октябрь орудийных бурь
по улицам
кровью лился,
я знаю —
в Москве решали судьбу
и Киев и Тифлисов.

Но любовь поэта к великому
городу не была узко ограниченной
— он радовался тому, что новая
Москва росла и строилась вместе
со всей Советской страной, что
вместе со столицей Советского Сою-
за росли новые города, промыс-
ленные центры, украшались сто-
лицы братских республик:

Москва белокаменная,
Москва камнекрасная
всегда
была мне
мила и прекрасна.

Но нам ли
столицей одной утолиться?!
Пиджак Москвы
для Союза узок.

И вижу я —
за столицей столица
растет
из безмерной силы Союза.

Когда в Москве был построен
дом Госторга в Орликовом переул-
ке, Маяковский с восхищением пи-
сал о нем, сиявшем своими окна-
ми в когда-то глухом и мрачном
переулке. Иному поэту этот факт
показался бы достойным упоми-
нания лишь в газетной хронике, а
Маяковский превращал «прозаиче-
ские» факты в пламенные строфы,
воспевая черты нового, социали-
стического, возникшего в москв-
ской жизни.

Поэт и его творчество принад-
лежат его Родине, социалистиче-
ским странам, всему человечеству.
Но по праву Маяковский — почет-
ный гражданин Москвы, для него
этот город символизировал его ро-
дину, и Москва по достоинству из-
брала одну из самых просторных
своих площадей для памятника
поэту.

Площадь Маяковского... Толь-
ко московские старожилы помнят,
как называлась она раньше. Пло-
щадь Маяковского прочно, навеки
вошла в наш быт.

Улица Горького известна была
тремя монументами — памятником
основателю Москвы Юрию Долго-
рукому, памятником «солнцу рус-
ской поэзии» Пушкину, памятни-
ком великому пролетарскому пи-
сателю Горькому. Скоро открывается
четвертый монумент — поэту
социалистической революции, поэ-
ту-новатору, воспеваемому чертой
грядущего коммунизма, — Влади-
миру Маяковскому.

Этот монумент много говорит
сердцу советского человека. Мо-
лодежь увидит воплощенный в
бронзе образ поэта, знакомого ей
по его стихам, запечатлевшим ве-
личайшие события в истории на-
шей Родины, новую эру в истории
человечества.

Лев Никулин.